

Л. Чарская

**Вечера княжны Джавахи.
Записки маленькой
гимназистки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Чарская**
Вечера княжны Джавахи. Записки маленькой гимназистки / Л. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2013. – 155 с.

ISBN 978-5-4241-1766-4

"Точно осенний вихрь наполнил саклю. Налетел, закружился по хижине, подхватил, как щепку, Дева и стал носить его в дикой пляске, как оторванный от ветки дерева слабый листок. Завертелся, закувыркался Дев слева направо, справа налево. Запрыгали с ним полы его бешмета, слетела папаха с головы, задрожали бессильно ноги в старых чувяках. То подпрыгивая, как мячик, катался он из угла в угол, то отлетал к окну, от окна к стенке, из одного конца сакли в другой. "

ISBN 978-5-4241-1766-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Лидия Алексеевна Чарская
Полное собрание сочинений
Том десятый

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Вместо вступления

Шелестят густые чинары в большом, тенистом саду, Шумят ветры, плещет река под горою, стонут гулкие обвалы в далеких горах... Тссс! Затихни, природа, и внимай сладкому голосу ночного певца. Поет буль-буль (соловей) сладкоголосый, поет чудесную песню на розовом кусте. Тише, ветры, тише, Кура темноводная, тише, далекие горы, — слушайте все песню буль-буля в задумчивой восточной ночи, слушайте внимательно!

И замолкают чинары, и звенит соловьиная песнь.

Не то быть, не то сказку поет задумчивый певец. И весь сонный Гори, с его ароматными садами и зелеными виноградниками, с его оживленным базаром и узкими улочками, слушает соловья.

Его дед, такой же, как и он, певец восточной ночи, передал сыну эту песнь. Сын научил ее петь своего сына.

«Здесь, в этом забытом гнезде над Курой, в предместье Гори, — поет он, — жил когда-то знатный грузинский батона — господин — князь Георгий Джавахоглы-Джамата. Он был храбрый офицер. Пускался в далекие Дагестанские горы, усмирять восставшие аулы и дружил с покоренными лезгинами, как свой брат-кулак (друг, приятель). И сердце свое отдал черноокой лезгинке из аула Бестади, увез в свою усадьбу и сделал своей женой.

Отец девушки, Хаджи-Магомет, долго не мог простить свою дочь, изменившую вере отцов и принявшую христианство... И только рождение внучки, княжны Нины, вернуло гордому старику угасшую было любовь к дочери.

Как цветок весенний, как роза Алазанской долины, росла девочка Нина, христианское дитя, с душой свободной, как горы Дагестана, и смелой, как у кавказского орла...

Малюткой была княжна Нина, когда умерла ее мать, тосковавшая по родному аулу, по суровому отцу и далекой родной земле, — и осталась осиротевшей птичкой в доме отца.

Росла юная княжна, удивляя людей, своей смелостью, ловкостью и неслыханною удачью. Она скакала по горам на своем коне, джигитовала на диво, карабкалась, как дикий джейран, по утесам. А какие песни она пела со своей молоденькой теткой, сестрой матери, Бэлой, приезжавшей к ней в гости, в Джаваховский дом, из родного аула Бестуди!..

По вечерам слушала она рассказы старой Барбалэ, верной доброй служанки, вынянчившей черноокую Нину. Мастерница была старуха рассказывать. И, словно птичка по осени, затихала юная княжна, внимая ее словам...

Восторженно слушала ее Нина. Слушала у дымящегося бухара (камина), на кровле Джаваховского дома при лунном свете, и под тенью утеса в горах, и в саду, под навесом густого каштана.

Нет старушки Барбалэ давным-давно на свете, а сказания из далекого прошлого Кавказа реют в воздухе, как птицы, нашедшие гнезда в одичавшем тенистом саду Джаваховского дома. Их шепчет Кура многоводная, их сказывают густые чинары, их повторяют розы, их поет горийский буль-буль с серыми крыльшками в тихие благовонные летние ночи.

Вечера княжны Джавахи

Сказания старой Барбалэ

Глава 1. Пастушок Бессо

Уморила за день старая Барбалэ. Пекла для гостей абрикосовые и каштановые пироги, варила шербеты. То-то было дела. Приехали с батано-князем пятеро товарищей-офицеров, приехал из аула дедушка Хаджи-Магомет с дочкой Бэлой, младшей сестрой покойной княгини. Пили, ели, лезгинку плясали...

И всех больше отличалась ясочка черноокая, десятилетняя Нина-княжна.

Девочка цветет, как персик, а уж пляшет-то, пляшет!.. Отродясь не видела такой пляски старая Барбалэ. Потом сам князь-батано, хозяин дома, играл на чиунгури (любимый музыкальный инструмент у грузин, род гитары), все пели хором, а Нина — всех звонче. Старый денщин, казак Михако, сморгнул на седой ус скупую слезу, слушая свою маленькую госпожу-джан; а молодец-наездник Абрек, седлая в конюшне офицерских коней, говорил, сверкая черкесскими глазами:

— Аллах взял жену от батано-князя в рай Магомета, зато княжной-соловухой, дочкой-певуньей вдового мужа осчастливил...

К ночи только разъехались гости.

Хаджи-Магомет, тесть князя Георгия Джавахи, уехал к себе, в горы. Дочку Бэлу гостить у внучки, у княжны Нины, оставил. Офицеры в лагерь умчались.

Барбалэ управилась на кухне, прилегла у себя в каморке на тахте. Думала о суетливом дне, о добром князе-батано и лезгинке и пении маленькой княжны.

Вдруг в окно раздался стук.

— Тук-тук! К тебе пришли мы, старая Барбалэ, открывай.

— Кто вы?

— Я, твоя Нина-джан, да Бэла-горянка — птичка залетная из Дагестанских аулов... Открывай, роза сердца моего!

Голосок звенит и рвется. Видно, смешно самой старую, уродливую Барбалэ называть розой. Но от души это. Не видит старых морщинистых щек Барбалэ княжна Джаваха; видит только верную, преданную Джаваховскому роду, любящую душу. И сама любит, ой, как любит свою старую служанку Барбалэ!

— Открывай, звезда моего неба, открывай!

Звякнула задвижка. Дверь распахнулась.

Стоят обе девочки, тетка и племянница: пятнадцатилетняя джигитка Бэла в своем национальном костюме и красочка-княжна, со смоляными кудрями, в белом бешмете. Обвили головы одной чадрой (покрывало, которое набрасывают на себя женщины-мусульманки), совершенно закрывая им лицо от взоров посторонних мужчин, смотрят бойко, улыбаются лукаво и моляще.

— Зачем пожаловали, баловницы-певуньи?

— Сказку, сказку нам, старая Барбалэ!

— Проказницы, ночь скоро, луна встала. Спит Гори... Соловьи поют, а вам сказку... Кш... кш... кш... прочь отсюда!.. Покой дайте старой Барбалэ!..

Засмеялась, подпрыгнула княжна, повисла на шее старухи, в то время как Бэла растерянно стрельнула из-под чадры газельими глазами.

А Ниночка ластится, воркует, вьется вьюном, целует морщинистые щеки Барбалэ.

— Солнце мое, бирюза души моей, сердце мыслей моих, драгоценное сокровище моих желаний, звезда полночная, восход багряный, цветок душистый, сладкая роза мысли моей, Расскажи нам сказку, милая, добрая Барбалэ!

Ну как тут устоять?

И забыты вмиг дневная суета, усталость, заботы по дому и кухне...

— Садитесь уж, коли пришли, полуночницы, — ворчит Барбалэ, — будет вам сказка... Ладно уж, в последний раз... Только не простая сказка, что люди выдумали на досуге, а старинное сказание, которое деда рассказывают внукам, а те опять своим внукам, в саклях и аулах, по всему Кавказу... Садитесь, сейчас начну рассказывать.

Козочкой взлетела на тахту Ниночка-княжна, увлекая за собой молоденькую тетку, прильнула чернокудрой головой к Барбалэ. Серной метнулась к окну, распахнула его широко.

Тени от исполинских чинар, лунный свет, аромат роз и азалий и песнь соловьиная ворвались в горницу. Точно сладкие благовония разлила в природе восточная красавица-ночь. Душисто, нежно и царственно-прекрасно ступала она по саду.

Задумалась Нина... Задумалась Бэла... И старая Барбалэ задумалась тоже. Чарами ночи сковало всех троих, и тут Нина сказала:

— О, как хорошо! О, моя родина! О, мои восточные ночи! О, мои звезды, чинары и розы!.. Говори мне скорее печальные сказки, Барбалэ! Говори, рассказывай о горе людском и бессилии, о славных подвигах джигитов, о проделках горных разбойников-душманов, о чем хочешь, но только скорее, скорее... или я умру от нетерпения!..

Погладила морщинистой рукой старуха головку Нины и сказала:

— Слушай, княжна Джаваха, слушай, роскошный бутон черной розы, алмазная роса жемчужных цветов, и ты, Бэла, первая красавица среди лезгинских невест, слушайте обе...

Тихо стало в горнице... Только изредка доносился оттуда, из сада, через открытое окно, шелест ветерка и нежные звуки соловьиной песни...

Старая Барбалэ начала свой рассказ...

* * *

Высоко, высоко вздымаются горы... Над ними синее небо и Престол Всевышнего, белые облачка, дымчатые покровы ангельских одежд. Под ними бездны, где носятся злые духи, шайтан и черные стражи его... А между вершинами — хребты, горные тропинки и уступы, быстрые потоки речные, нежные благоухающие долины, полные душистых цветов...

В этих долинах, крошечных, пас когда-то мальчик Бессо своих коз и баранов.

Был Бессо юн и смел, как молодой орленок, и силен, как барс весною, и быстр и ловок, как серна гор... Тело его, бронзовое от загара, опалено кавказским щедрым солнцем, обветрено родимыми ветрами смуглое пригожее лицо. Он — сирота Бессо и ходит в лохмотьях. Он — пастух. Аул кормит его за то, что он пасет баранов и коз... Но богаче богатейшего бека, наибо селений, он, Бессо... Эти горы — его. Это небо синее, как волны далекого моря, — тоже его. И тро-

пинки, и горы, и бездны — все принадлежит ему одному, Бессо. О, Боже, Создатель мира, как он богат, этот Бессо!

Старая Барбалэ начала свой рассказ...

Ему кажется, что Творец вселенной поставил его земным царем над всей этой роскошной природой. Ему кажется, что для него синее небо, для него благоухают азалии в долинах, для него звенят и пенятся гордые, быстрые потоки гор.

Да, он царь!

Над ним Бог, под ним бездна. Все, что вокруг — царство Бессо и его коз.

Нынче день выдался на славу. Горы молчат. Цветы поют, благоухая, и потоки журчат лениво. Алмаз слился с бирюзой, небо и солнце заключили союз. Дышать трудно под палящими лучами ликующего светила.

Пробовал петь Бессо — не поется. Пробовал завивать венки из азалий и роз — руки сами собой опускаются от жары. Истома и лень сковывают все тело.

На берегу горного потока залюбовался он новыми калабанами (грузинская обувь), мягко охватывающими его ноги.

Хороши калабаны, очень хороши. Ни у кого в ауле нет таких...

Стал мечтать Бессо о том, как хорошо наряжаться каждую неделю в новую обувь, чтобы и по виду казаться владыкой этих высей и пропастей... Стал мечтать и незаметно уснул.

Сладкие сны ему снились в этот знойный полдень. Само небо, бездны и дикие розы ущелий нашептывали ему их...

Проснулся. Смотрит кругом: нет его коз, ушли они, позвякивая колокольчиками, разбрелись они по зеленеющим уступам гор.

Вскочил на ноги Бессо. Плеснул студеной струей из потока себе в лицо, кинулся догонять стадо.

А козы, точно нарочно, все дальше и дальше в ущелье бредут. Словно и не слышат призывных криков пастушка.

В незнакомые места попал Бессо... Потемнело в ущельях. Точно темной чадрой окутались горы, точно призрак старого горного духа прошел по узким тропам. Вокруг теснились утесы, шумели горные ручьи...

Дрогнуло сердце Бессо. Как собрать стадо, как найти дорогу в аул?

Крикнул он, и веселым эхом отозвались горы.

Точно кто засмеялся, дразнясь.

И вдруг — чуть слышный стон прозвучал совсем близко.

«Горный дух! — испугался Бессо, — я попал в его владение! Не выбраться отсюда теперь».

Отважный мальчик, не боявшийся ни диких зверей, ни лихого человека в горах, был бессилен перед хозяином этих стремнин.

Но вот опять стон, надрывающий сердце, мучительный и страшный, повис над стремниной.

«Нет, не дух это, а человек, нуждающийся в помощи! Иду помочь ему!» — встряхиваясь от сковавшего его было ужаса, подумал Бессо.

Отважно заблестели его глаза. Зажглось в сердце мальчика желание спасти того, кто по ту сторону утеса молил своими стонами о помощи.

Перепрыгнув быстрый ручей и дикой кошкой вскарабкавшись на утес, Бесса очутился у огромной каменной пещеры с зияющим входом.

Старая Анжелика и ее сестры...

Теперь было ясно, откуда неслись эти стоны.

Бессо вошел внутрь. Теперь он стоял посреди пещеры, пол, потолок и стены которой были отлиты из чистого золота и серебра. Свет, врывающийся извне в отверстие горы, играя мириадами искр, заливал пещеру. К стене ее тяжелыми цепями был прикован юноша.

По обнаженной груди узника сбегали ручьи крови.

Тело юноши терзала огромным острым клювом серая страшная птица, разрывая тело узника на куски.

Лицо мученика было полно невыразимого страдания. Черные глаза молили о помощи.

— Прочь отсюда, ужасная птица, — воскликнул Бессо.

А злая, жестокая птица продолжала свою работу, вырывая кусок за куском из тела узника и обагрывая новыми потоками крови золотые стены пещеры.

Охваченный жалостью и гневом, Бессо ринулся вперед с криком:

— Прочь отсюда, ужасная птица!

Она повернула голову и метнула на мальчика сердитый взгляд, но Бессо не испугался.

— Прочь отсюда! Прочь! — крикнул он еще раз.

И послушная воле мальчика страшная птица оставила своего пленника,змахнула крыльями и исчезла из пещеры.

Израненный юноша посмотрел на Бессо и сказал:

— Благодарю тебя. На этот раз мои муки окончены.

— А завтра? — живо спросил его Бессо.

— А завтра они начнутся снова, если ты не поможешь мне сбросить эти оковы...

Голос юноши был слаб, как звенящая струна чиангури, как последние звуки Божьей пташки, умирающей в когтях ястреба. И голос этот проник в самое сердце доброго Бессо.

— Скажи мне только, что надо сделать, чтобы спасти тебя, и я сделаю все, чтобы помочь тебе, батона! — воскликнул Бессо.

— Это не трудно. Сам Бог послал мне спасенье в твоём лице. Подай мне только конец цепи, в тот же миг рушатся мои оковы, и я буду спасен.

Он не успел закончить своей речи, как Бессо в один прыжок был уже подле лежавшего на полу конца цепи и потянул ее изо всех сил к узнику.

Но, увы! Цепь была слишком коротка.

Два стоны вырвались и слились в один вопль разочарования и горя.

Потом наступила тишина.

Только ночь дышала в отверстие пещеры.

И вот узник заговорил снова:

— Послушай... Я богат, богаче многих владык земли. Я осыплю тебя такими дарами, которые не привидятся даже и во сне... Пригоршнями золота и серебра наполню я твою сумку; в твоей сакле будет наряднее, нежели в замке султана или во дворце белого царя... Я сделаю тебя счастливым, мальчик. Спаси меня только! Скуй мне цепь из старого железа, такую же, как эта, принеси ее сюда, но так, чтобы никто не прослышал об этом, так, чтобы ни один человек не проведал обо мне, и тогда я буду спасен и награжу тебя по-царски.

— Пери сиди, риваниа тига, — нисаннига (бого)